

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ БОЛГАРИИ, т. I. М., 1954

Интерес советского читателя к истории братского болгарского народа исключительно велик. Однако в нашей исторической литературе до самого последнего времени не было, к сожалению, сводной работы, которая научно освещала бы историю Болгарии на всем ее протяжении. Предпринятая покойным академиком Н. С. Державиным попытка создания такой работы не была доведена до конца. Восполнить этот пробел призвана теперь двухтомная „История Болгарии“, подготовленная по инициативе Института славяноведения АН СССР большой группой советских историков.

Первый том этого издания вполне определенно свидетельствует о серьезных успехах авторского коллектива. Этот том посвящен истории Болгарии с древнейших времен до конца 1917—начала 1918 г., — времени, когда до Балкан докатились первые отзвуки Великой Октябрьской социалистической революции.

В целом это отнюдь не только сводка уже опубликованных в нашей и болгарской печати исторических исследований. Как ни интенсивно работали в последние годы советские слависты и историки народно-демократической Болгарии, еще далеко не все важнейшие проблемы болгарской истории были подвергнуты ими необходимому пересмотру в свете марксистско-ленинской методологии. По многим вопросам этот пересмотр авторы вынуждены были производить непосредственно в процессе подготовки рецензируемой работы.

Современное состояние источников не дало возможности в равной степени осветить все вопросы и все периоды истории Болгарии, но поставленную перед собой задачу — „проследить основные линии исторического развития болгарского народа“ (стр. 9) — авторский коллектив, это можно сказать совершенно определенно, выполнил, и по подавляющему большинству разделов — выполнил на высоком идейно-теоретическом уровне, вполне соответствующем современному уровню советской исторической науки.

Естественно, что первыми важнейшими проблемами, которые должны быть поставлены и разрешены в марксистском труде по истории Болгарии, являются: происхождение болгарского народа и возникновение болгарского государства. Вопросы эти, как известно, крайне запутаны буржуазной историографией.

Автору первых глав (гл. I и II и § 1—3 гл. III) С. А. Никитину удалось вполне убедительно показать, что действительной этнической основой болгарского народа явились славянские племена, заселившие территорию Болгарии в VI—начале VII в. (стр. 37—52).

На основе новейших достижений советской археологии в области изучения восточнославянских племен (главным образом, трудов П. Н. Третьякова и Б. А. Рыбакова) и используя археологические работы бол-

гарских ученых, автор довольно подробно освещает социальные и политические отношения у балканских славян VII—VIII вв. (стр. 47—52). Он показывает, что образование первых славянских государств на Балканском полуострове (в Подунавье и в Македонии) было „результатом закономерного развития славянского общества“ (стр. 53). Тем самым материалы этих глав убедительно опровергают распространенное в буржуазной историографии мнение о том, что болгарское государство было якобы создано протоболгарами, завоевавшими Болгарию во второй половине VII в. Появление на Балканах протоболгарской орды хана Аспаруха, как совершенно справедливо подчеркивает С. А. Никитин (стр. 54), лишь осложнило дальнейшее развитие первого раннесредневекового славянского государства в придунайских землях.

Большим достоинством этих глав является то, что все развитие славянских племен, заселивших в VI—VII вв. придунайские земли, автор рассматривает в связи с теми процессами социально-экономической жизни, которые происходили тогда в среде дославянского населения Балканского полуострова, и прежде всего — в связи с процессом общего кризиса рабовладельческого строя на этих территориях Византийской империи. Автору удалось поэтому гораздо более четко, чем это было сделано во всей предшествующей литературе, показать причины, значительно ускорившие развитие феодальных отношений у балканских славян. Удачно используя и археологические данные (правда, пока еще очень немногочисленные) и данные письменных источников, автор показывает, что становление феодальных отношений у балканских славян можно проследить во всяком случае с VII—VIII вв. (стр. 50—52). Исследование С. А. Никитина устранивает, таким образом, ту путаницу, которая еще очень недавно существовала как в нашей, так и в болгарской литературе по вопросу о том, нужно или не нужно выделять первые века существования болгарского государства в какой-то особый „дофеодальный период“¹. В рецензируемой работе — и совершенно правильно — вся история болгарского народа с VII в. и до освобождения от турецкого ига рассматривается как история феодальной Болгарии.

С большой обстоятельностью, — конечно, насколько это допускают наличные источники, — рассматривается в книге и дальнейшее развитие социально-экономических отношений в Болгарии: процесс разложения славянской общины и формирования феодальной собственности (вторая половина гл. III, автор А. П. Каждан), формы феодальной зависимости, их эволюция и положение крестьян (главным образом, § 1 главы IV, автор А. П. Каждан; § 1 гл. V, автор Б. Т. Горянов; § 1 гл. VI, авторы Н. А. Боровская и Ю. В. Бромлей) и т. д. Особо следует отметить сделанную этими авторами попытку проследить возникновение, характер и развитие болгарских средневековых городов (см. стр. 76—78 и особенно 128—134). Собранные в книге материалы по этому вопросу, хотя и не дают еще возможности сделать окончательные выводы (решающую роль тут должны сыграть археологические исследования, успешно осуществляемые теперь в народной Болгарии), все же, несомненно, представляют значительный интерес, открывая по существу новую страницу в изучении истории средневековой Болгарии.

Можно сказать без преувеличения, что страницы, посвященные социально-экономическим отношениям в феодальной Болгарии в различные периоды ее истории, являются лучшими в рецензируемых главах книги.

¹ См., например, дискуссию о периодизации болгарской истории, происходившую в конце 1950 г. в Болгарской Академии наук. Наиболее подробный отчет см. „Известия на Института за българска история“, кн. 1—2, 1951, стр. 359—386.

Во всех главах, рассматривающих историю средневековой Болгарии, много внимания уделяется антифеодальной борьбе широких народных масс. При этом авторы не ограничились — и это особенно ценно — показом только таких выступлений, как богомильское движение (стр. 84—86) или крестьянская война под руководством Ивайла (стр. 143—145); в книге не раз упоминается и о многих других формах сопротивления трудящихся феодальной эксплуатации, таких, как бегги, поджоги боярских усадеб, угон скота и т. д. Авторы подчеркивают, что в целом „крестьянское сопротивление натиску феодалов имело прогрессивное значение, ибо крестьяне, хотя и выступали сплошь да рядом с требованием возвращения к старым порядкам, своей борьбой отстаивали право на свое личное хозяйство, а именно крестьянское хозяйство в дальнейшем явилось материальной базой экономического прогресса“ (стр. 75) (непонятно только, почему — „в дальнейшем“? Оно и тогда — в раннее средневековье — являлось этой базой).

Хорошо показана роль народных масс в борьбе за восстановление независимости страны в XI—XII вв. (гл. V, автор Б. Т. Горянов).

К числу несомненно положительных сторон рецензируемых глав следует отнести и то, что историю Болгарии авторы рассматривают не изолированно от развития соседних с ней стран — Византии, Сербии и др. Во многих случаях они показывают активную, а иногда — ведущую роль Болгарии в средневековой истории юго-востока Европы.

С особым вниманием в работе прослеживаются связи болгарского народа с народами нашей страны (стр. 34, 90—94, 154—156 и др.). Тем самым перед читателем конкретно вскрываются глубочайшие исторические корни болгаро-советской дружбы.

Главы VII, VIII, IX и часть X посвящены самым мрачным страницам в истории Болгарии — периоду пятивекового турецкого господства, нарушившего ход нормального исторического развития Болгарии, резко затормозившего развитие ее производительных сил.

В главе VII (автор И. С. Достян) дана совершенно правильная критика ложной концепции ряда буржуазных историков, утверждавших, что после установления в Болгарии турецкого владычества, особенно в первое время, положение крестьянства якобы улучшилось в результате того, что установилась „твердая власть“, заменившая „самовластие“ болгарских феодалов. Используя большой фактический материал (воспоминания современников, записки европейских путешественников, посетивших Балканский полуостров, и др.), автор показывает, что турецкое завоевание несло народным массам лишь невероятные бедствия и страдания: турецкие захватчики беспощадно эксплуатировали болгарский народ и проводили жестокую ассимиляторскую политику, подвергая преследованиям болгарскую национальную культуру; в годы турецкого господства города, ремесла и торговля пришли в упадок, население резко сократилось, в стране наступил экономический застой.

Не менее убедительно показано как в этой, так и в следующей главе (того же автора), что, несмотря на все ужасы турецкого оккупационного режима, болгарский народ никогда не прекращал борьбы с иноземными поработителями.

С особым вниманием и обстоятельностью рассматривается в рецензируемой работе национально-освободительное движение в конце XVIII и в XIX в. (глава IX и §§ 1 и 2 гл. X, автор С. А. Никитин). Это представляется совершенно обоснованным, так как этот период истории Болгарии, получивший в историографии название периода национального болгарского возрождения, является одним из важнейших.

О болгарском возрождении написано немало работ. Но большинство из них принадлежит буржуазным историкам, идеалистическая методология которых, а часто и тенденциозность, обусловленная их политическими взглядами, мешали правильному освещению действительного характера этого периода и его исторического значения. Чаще всего представителей буржуазной историографии интересовали только такие вопросы, как восстановление самостоятельности болгарской церкви, развитие болгарской школы или — в лучшем случае — болгарской культуры вообще. При этом, как правило, особо оттенялось „единство“ болгарского народа в период возрождения и — вольно или невольно — затушевывались классовые противоречия и классовая борьба того времени.

Первым, кто правильно подошел к проблемам возрождения, был основатель болгарской коммунистической партии Д. Н. Благоев. В своей работе „К истории социализма в Болгарии“ (1906) он специально подчеркнул, как при изучении периода возрождения необходимо обратить особое внимание на исследование социально-экономических процессов и вопроса о роли народных масс в истории этого времени. Дальнейшее развитие и конкретизацию идеи Благоева получили в целом ряде работ историков народно-демократической Болгарии.

Широко используя эти работы, С. А. Никитин ярко и убедительно показывает читателю, что история болгарского возрождения — это история развития капиталистических отношений в Болгарии, история формирования болгарской буржуазной нации и неразрывно связанного с ним развития национально-освободительной борьбы болгарского народа (стр. 216 сл.).

И в этих главах большое место отведено связям болгарского народа с народами нашей родины (стр. 179 сл., 202 сл., 236 и др.). Авторы показывают, что уже в конце XV в. рост могущества Русского государства, освобождение от татарского владычества и т. д. будили в болгарях надежду на то, что именно русский народ придет им на помощь и освободит их от власти иноземных завоевателей. Уже тогда возникла и стала распространяться своеобразная легенда о „дяде Иване“ („дедушке Иване“), защитнике славян, в образе которого получили олицетворение представления болгарского народа о силе и могуществе великого русского народа. Из поколения в поколение в течение всех пяти веков рабства болгарский народ хранил и укреплял свою веру в то, что Россия поможет ему добиться освобождения от турецкого ига. И русский народ, особенно в лице его наиболее передовых представителей, всегда отвечал болгарам глубоким сочувствием, а часто оказывал и непосредственную помощь. Сотрудничество двух братских народов нашло свое выражение в совместной борьбе русских и болгарских воинов во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., принесшей Болгарию освобождение от турецкого ига (стр. 292—309, автор этого параграфа С. Ш. Гринберг).

Таковы основные проблемы, наиболее удачно и полно разработанные авторами рецензируемых нами глав. Именно они составляют идейно-теоретическую основу всего очерка истории феодальной Болгарии, и именно поэтому этот очерк, несомненно, окажется весьма интересным для широких кругов советских читателей.

Однако, в освещении некоторых вопросов авторы не проявили необходимой последовательности.

Так, например, обстоит дело с вопросом о славяно-протоболгарских отношениях после образования болгарского государства.

Опровергнув и, как уже было отмечено выше, совершенно правильно опровергнув „протоболгарскую теорию“ возникновения болгарского раннефеодального государства, авторы в дальнейшем сделали серьезную и ничем не обоснованную уступку этой же самой „теории“, заявив, что „борьба протоболгарской и славянской знати — одна из основных черт политической истории Первого болгарского царства на протяжении первого столетия его истории“ (стр. 59, ср. также 64, 66). Однако нет ни одного источника — ни болгарского, ни византийского, — который давал бы какие бы то ни было основания для подобного вывода. Этот вывод авторы заимствовали из первого тома „Истории болгарского государства в средние века“ болгарского историка В. Н. Златарского.

До Златарского внутренние междоусобия VIII в. рассматривались обычно в плане чисто личной борьбы отдельных претендентов на власть (см., например, „Историю болгар“ К. Иречека)². Златарский попытался изобразить эти усобицы в плане этнической борьбы — борьбы протоболгарских и славянских „начал“. Свыше 30 страниц посвятил он этому вопросу (изд. 1918 г. — со стр. 191 по 225), заполнив их, однако, одними только домыслами, лишенными какого бы то ни было фактического обоснования. Надуманность его „концепции“ была настолько очевидной, что даже П. Мутафчиев в I томе своей „Истории болгарского народа“ вынужден был значительно осторожнее говорить об „этнической основе“ междоусобий VIII в. (см. изд. 1943 г., стр. 162 сл.). Современные историки народно-демократической Болгарии поступили совершенно правильно, пересмотрев „аргументацию“ Златарского и отбросив всю его „этническую“ концепцию³.

Автору второй половины главы III, посвященной истории Болгарского государства в VIII—IX вв., А. П. Каждану следовало или попытаться привести хоть какие-либо доказательства в пользу теории Златарского⁴, или — что, конечно, и нужно было сделать в действительности — дать иное объяснение тех изменений, которые произошли в политическом строе Болгарии в VIII—IX вв.

Следует признать, что и по отношению к другим периодам истории Болгарии рассмотрение событий политической жизни страны не увязывается достаточно тесно с вопросами ее социально-экономического развития.

Остановимся в этой связи на той характеристике, которую дают авторы главы VI (Н. А. Боровская, Ю. В. Бромлей, Б. Т. Горянов) политическому развитию Болгарии в XIII—XIV вв., т. е. в период, как это совершенно правильно подчеркнуто в главе, развитого феодализма. Они считают, что весь этот период, за исключением царствования Ивана Асеня II, был временем неуклонного усиления феодальной раздробленности. „Теоретическим“ основанием для такой оценки является

² К. Иречек. История болгар. Одесса, 1878, стр. 173—176.

³ См., например, весьма обстоятельную статью Ал. К. Бурмова „Към вопроса за отношения между славяни и прабългари през VII—IX в.“. ИП, 1954, кн. I, стр. 68—94.

⁴ Отголоском этой же „теории“ Златарского является и содержащееся на стр. 74 утверждение о том, что боярское восстание против признания христианства государственной религией Болгарии будто бы было выступлением „некоторых протоболгарских (подчеркнуто нами) боярских фамилий“. Полную необоснованность подобного утверждения показал Ал. К. Бурмов в другой своей статье „Буржуазно-идеалистическите становища по въпроса за палагането на християнството в България през IX в.“ ИП, 1954, кн. II, особенно стр. 50.

следующее рассуждение: „Несмотря на значительное развитие городов, в Болгарии, в недрах феодальной формации нельзя проследить зарождения и развития капиталистических отношений, основ нового, более прогрессивного способа производства. Отсутствие элементов новой общественно-экономической формации в недрах болгарского феодального общества не создавало поэтому условий для перехода к новой форме политического устройства“ (стр. 141). Авторы при этом упустили из виду, что тенденция к известной централизации феодального государства возникает задолго до „зарождения и развития капиталистических отношений“, являясь закономерным результатом развития феодального общества, в котором, в частности, достигает определенного уровня развитие товарного (но не капиталистического) производства, обслуживающего феодализм, и обостряются в той или иной степени классовые противоречия. Хорошо известные факты истории целого ряда западноевропейских государств в XII—XIV вв. целиком это подтверждают.

Конечно, тенденция к централизации встречала во всех феодальных странах того периода противодействие другой тенденции, тоже имевшей объективную основу, — тенденции к феодальному дроблению. В различных странах борьба этих тенденций имела различный результат, в зависимости от соотношения конкретных условий, и задача историка, изучающего период развитого феодализма, как раз и заключается в том, чтобы конкретно проследить своеобразие хода, перипетий и итогов этой борьбы в каждой отдельной стране. Авторы рецензируемой главы, к сожалению, не сделали этого. Между тем важно было подчеркнуть, что в конце XII—начале XIII в., т. е. тотчас же после освобождения от византийского ига, болгарские земли далеко не представляли какого-либо политического единства: наряду с царством Асеней, на юге и на юго-западе существовало несколько вполне самостоятельных княжеств.

Некоторых успехов в объединении страны удалось добиться не только Ивану Асеню II. Ведь и в начале, а затем и в середине XIV в. (при Феодоре Святославе и Иване Александре), в гораздо более трудных, чем при Асене II, внешнеполитических условиях власть тырновского правительства распространялась на территорию, отнюдь не меньшую, чем в конце XII в.

Тенденция к централизации не успела победить в Болгарии противоборствующую ей тенденцию, но она, несомненно, существовала и имела вполне объективные основы, заключавшиеся, между прочим, и в значительном подъеме болгарских городов, засвидетельствованном в современных источниках⁵. Сами же авторы признают, что и Калоян, и Асень II в своей борьбе за централизацию государства искали опоры и среди населения городов (стр. 139 и 140).

Нет сомнения, что если бы авторы, отказавшись от предвзятой точки зрения, с большей последовательностью увязывали бы вопросы политической истории Болгарии с проблемами социально-экономического развития Второго болгарского царства, они избежали бы указанных выше противоречий.

Некоторая склонность несколько упрощать исторический процесс при рассмотрении явлений, касающихся соотношения базиса и надстройки, сказывается и в главах, посвященных периоду турецкого господства.

⁵ Следует отметить, что при наличии ряда вполне достоверных данных источников о положении болгарских городов, авторы напрасно без оговорок используют (например, на стр. 128, 133) хрисовул 1192 г., подвергшийся, как это неоспоримо доказала историческая критика, значительной фальсификации в позднейшее время.

Так, например, в главе VIII (автор И. С. Достян) упадок Османской империи с конца XVI в. объясняется внешнеполитическими факторами — а именно, тем обстоятельством, что „изменение общественно-политической обстановки в Европе в XVI в. делало войны против европейских государств все более трудным и дорогостоящим делом, поглощавшим все средства и силы Османского государства“ (стр. 182). В действительности, конечно, причины упадка Османской империи следует искать в изменениях, которые произошли в этот период в самой турецкой экономике, — в росте крупного помещичьего землевладения, в усилении феодальной эксплуатации, в разорении хозяйства основного производителя — крестьянина.

Не к лучшим разделам рецензируемой работы относятся и параграфы, посвященные истории культуры: „Болгарская культура IX—X вв.“ (стр. 97—106, автор А. П. Каждан), „Культура Второго болгарского царства“ (стр. 152—162, автор Б. Т. Горянов), „Культура Болгарии в XV—первой половине XVIII в.“ (стр. 204—213, автор И. С. Достян) и „Культура Болгарии в период национального возрождения“ (стр. 313—324, автор И. М. Шептунов).

Собранный здесь большой фактический материал носит явно односторонний характер. Во всех этих параграфах непропорционально мало места отведено характеристике народной культуры. За последние годы ученые народно-демократической Болгарии добились значительных успехов в деле изучения именно народной культуры; следовало гораздо шире использовать их труды. Всем только что перечисленным параграфам свойственна статичность изложения: тут названы имена деятелей культуры, приводятся названия их произведений, даются описания памятников, но отсутствует анализ развития той или иной отрасли культуры и всей культуры в целом.

При переиздании, — а оно несомненно потребуется, — над всеми этими вопросами, имеющими, по нашему мнению, принципиальное значение, авторам необходимо будет очень внимательно поработать.

Рецензируемые разделы книги содержат и ряд других недостатков.

Недостаточно согласовано содержание глав и параграфов, написанных разными авторами. Так, например, в двух почти соседних главах — в IV и VI — имеются совершенно различные, по существу противоречивые формулировки, определяющие сущность феодальной собственности. „Сущность феодальной собственности, — утверждает на 78 стр., — заключалась в том, что реальный владелец земли — крестьянин был лишь ее „условным“ собственником, тогда как феодал присваивал себе „верховную“ собственность на землю“. Ошибочность этого определения станет совершенно ясной, если сопоставить его с напечатанным на стр. 126-й известным указанием Маркса из III тома „Капитала“ о том, что при феодализме „непосредственный производитель не собственник, а лишь владелец“ земли.

Разногласица дает себя знать и в области терминологии и транскрипции. В одних главах подушный налог в Османской империи правильно называется „харадж“ (например, стр. 170), а в других — „харач“ (например, стр. 184, 217); десятина, обозначаемая повсюду словом „ашар“, на стр. 276 транскрибируется на „ушр“. Иногда сама Османская империя превращается в „Оттоманскую империю“ (например, стр. 292).

В работе встречается ряд неточных и неудачных формулировок. Так, на стр. 148 изложение событий (речь идет об образовании и причинах возвышения Османского государства) ведется таким образом, что у читателя может создаться впечатление, будто турки (или, как они

называются в работе, — турки-османы) — это ветвь Сельджукидов; такое представление не соответствует исторической действительности. Едва ли правильно, что старые пути, соединявшие Болгарию с Македонией и Грецией, „шли вдоль побережья Черного моря“ (стр. 274). Никак нельзя писать, что в грамотах болгарских царей содержался „перечень многочисленных государственных чиновников, из-под ведомства которых изымались монастырские люди“ (стр. 125), или что „В Лесковаце было поставлено 60 колов для сажения на них крестьян...“ (стр. 254) и т. п.

Иллюстрации ко всем этим главам подобраны в общем довольно удачно, однако подписи под некоторыми иллюстрациями сделаны небрежно.

Взять хотя бы рисунки на стр. 15, 16, 17, 18, 20 и сл. Откуда происходят изображенные здесь орудия? К какому периоду они относятся? — никаких указаний на этот счет не дано.

Встречаются ошибки и в географических картах. Так, на интересно задуманной карте „Народные восстания в Болгарии в XI—XII вв.“ (стр. 117) перепутано объяснение условных знаков. Прерывистой линией обозначен не „путь отступления повстанцев в 1040 г.“, а движение армии повстанцев 1072 г. Вне всякой связи с текстом (стр. 120—122) показано на карте движение повстанцев 1185—1187 гг.

И все же, отнюдь не затушевывая всех этих недостатков, следует еще раз повторить, что данный в томе I „Истории Болгарии“ очерк истории болгарского народа в период феодализма представляет собою ценный вклад в изучение истории Болгарии и является лучшей из всех существующих работ на эту тему.

Э. В. Удальцова

А. А. Попова

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

(Обзор литературы)

История польского народа многими нитями связана с историей средневекового Причерноморья — историей стран Балканского полуострова, крымских колоний, а затем Крымского ханства, Византии и Османской империи, не говоря уж об истории Украины и Молдавии. Польша издавна поддерживала с этими странами экономические, политические и культурные связи; политические перемены в бассейне Черного моря, в особенности овладение его побережьем турками-османами в XV в., имели огромные последствия для судеб Польского государства. Естественно поэтому, что польские историки неоднократно обращались к изучению истории Причерноморья. И хотя собственно византиноведение в польской исторической науке XIX—начала XX в. особого распространения не получило, и для этого периода можно назвать лишь несколько работ, специально посвященных Византии, целый ряд исследований, которые рассматривают проблемы истории Причерноморья преимущественно под углом зрения торговых и политических связей с Польшей и Украиной, представляют непосредственный интерес для византиноведов. Благодаря этим исследованиям были введены в научный оборот ценные архивные материалы, в том числе документы из польских архивов, существенно